

СЕТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена проблемам и перспективам развития сети международных экологических организаций на российско-китайской границе. Авторы анализируют причины отсутствия кооперации между российскими и китайскими НГО, почему в области решения российско-китайских трансграничных экологических проблем деятельность международных сетей НГО неэффективна. Причины слабого взаимодействия между российскими и китайскими НГО проанализированы на основании истории формирования НГО и их сетей в этих странах, структуры политических возможностей и культурных особенностей каждой из стран. В статье предложены пути активизации трансграничного сотрудничества экологических НГО России и Китая.

Russian and China face grave cross-boundary environmental problems. Unfortunately, Russian and Chinese NGOs have not formed effective networks in order to confront cross-border problems. This paper, after highlighting the problems on the China-Russia border, discusses the current situations of NGOs of both countries along the border and analyzes factors contributing to the nonexistence of effective cooperative ties between them. The study points to the importance of two major factors that influence network formation between NGOs in Russia and China. First, external forces (in our case, Western organizations) can play a pivotal role in facilitating ties and in shaping the characteristics of organizations; Second, domestic opportunity structure, namely state, society and state-society relationship, affects organizational attributes, as well as how the external forces function.

Введение

Государственные границы, являясь социальным конструктом, разделяют общества, но не природную среду. Экологические проблемы носят трансграничный характер, поскольку соседние государства могут иметь общие проблемы либо создавать их друг для друга. Это приводит к необходимости глобальной экологической политики, так как

национальные правительства не в состоянии всесторонне регулировать и решать экологические проблемы своей страны (Mooney, 1998).

Для решения трансграничных экологических проблем под эгидой ООН создаются межнациональные соглашения и конвенции, регулирующие охрану окружающей среды разных стран. Наиболее известные из них СИТЭС (CITES) — международная конвенция о торговле редкими видами растений и животных; конвенция о сохранении биоразнообразия; Киотский протокол (регулирование промышленных выбросов углекислоты). Большую заинтересованность в соблюдении международных соглашений такого рода проявляет третий сектор — негосударственные экологические организации (НГО) разных стран, которые объединены в сетевые структуры. Например, для мониторинга выполнения СИТЭС создана международная программа ТРАФФИК (TRAFFIC), которая занимается отслеживанием перемещения биоресурсов через национальные границы. В большинстве стран работу ТРАФФИК координируют НГО. Например, в Китае и России этим занимается Всемирный фонд дикой природы (World Wildlife Fund — WWF)¹. Таким образом, трансграничные сети НГО становятся важными акторами глобальной экологической политики (Fisher, 2003; Elliot, Schaefer, 2002; Haufler, 2002; Bulkeley, Mol, 2003).

Сети НГО оказывают влияние на экологическую политику своих стран, апеллируя к мировому сообществу в случаях нарушений межнациональных соглашений в области охраны окружающей среды. Они конструируют «экологически чувствительные» рынки, например такие, как рынок сертифицированной древесины или продуктов, выращенных без применения пестицидов (Cashore, Auld, Newson, 2004). Также международные сети НГО оказывают влияние на экологическую политику развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

¹ WWF — Международная природоохранная организация, существующая с 1961 г. Работает более чем в 90 странах мира. Миссия — предотвращение деградации природной среды планеты. Стратегические направления деятельности: сохранение биоразнообразия, обеспечение устойчивого использования природных ресурсов, пропаганда действий по прекращению загрязнения окружающей среды (Благовидов, Очагов, Птичников, 2002).

Через международные экологические негосударственные организации (МЭНГО) в страны с переходной экономикой направляются потоки средств, предназначенные для поддержки национальных НГО, что способствует развитию в этих странах гражданского общества. С использованием средств массовой информации (СМИ) формируется информационное пространство, в котором охрана природы и устойчивое природопользование декларируется как глобальная ценность. Таким образом, в странах с переходной экономикой происходит локализация глобальных тенденций и западных ценностей, которые подразумевают необходимость сочетания рыночной экономики и демократии. Роль МЭНГО в этом процессе рассматривалась многими исследователями (Warner, 1995, 2002; Lewis, 2000; McCormick, 1999; Tysiachniouk, 2002). Большое внимание также уделялось национальным и трансграничным сетям НГО и их роли в экологической политике. В некоторых странах их деятельность очень эффективна.

В нашей статье речь пойдет о том, как трансграничные сети НГО действуют в России и Китае. Россия и Китай являются странами с переходной экономикой и имеют серьезные экологические проблемы. Национальные правительства не уделяют достаточного внимания решению трансграничных экологических проблем и соблюдению СИТЭС, хотя конвенция ратифицирована обоими государствами.

Экологические НГО России и Китая интегрированы в международные сети, и существуют примеры, когда благодаря международной кооперации они могли влиять на решение экологических проблем в своих странах. Например, в 2000 г. на западной границе России в результате совместной кампании российских и международных НГО были остановлены рубки в старовозрастных (девственных) лесах. Эти рубки проводились без нарушения российского законодательства, однако, согласно глобальным природоохранным ценностям, старовозрастные леса вообще не должны вырубаться, так как являются ключевыми зонами для сохранения биоразнообразия планеты (Tysiachniouk, Reisman, 2002; Воробьев, Болотова, 2003).

Китай в результате сходных кампаний в 2003 г. отказался от закупок древесины, срубленной в девственных

лесах Канады, и частей тела канадской нерпы, используемых в китайской традиционной медицине (Yanfei, Tysiachniouk, 2004). Однако в области российско-китайских трансграничных экологических проблем деятельность международных сетей НГО неэффективна. НГО Китая и России практически не сотрудничают между собой. Целью нашей статьи является анализ и объяснение, почему отсутствует кооперация между российскими и китайскими НГО.

В середине 1990-х гг. МЭНГО начали образовывать офисы в России и Китае. Некоторые МЭНГО, не образуя офисов на территории стран, стали оказывать грантовую поддержку национальным НГО. В настоящее время в России и Китае действуют одни и те же МЭНГО. Это WWF, Гринпис (Greenpeace)², Общество охраны дикой природы (Wildlife Conservation Society — WCS)³, Тихоокеанский центр защиты окружающей среды (Pacific Environment and Resources Center — PERC)⁴, Фонд спасения журавля

²Greenpeace — независимая МЭНГО, основанная в 1971 г. Выступает против ядерных испытаний и радиационной угрозы, загрязнения окружающей среды промышленными отходами, за сохранение биоразнообразия и др. Воздействуют на общественное мнение через СМИ, проводит ненасильственные акции протеста, добиваясь от промышленных компаний и правительств решений конкретных экопроблем http://encycl.yandex.ru/cgi-bin/art.pl?art=gl_natural/1407/140_7263.htm).

³WCS — Американское общество ученых-биологов, возникшее в XVIII в. в Нью-Йорке при Бронкском зоопарке. Миссия — охрана редких видов животных и среды их обитания. Проводят исследования по прикладной экологии видов, менеджмент территорий, где обитают редкие животные, пропаганду идей устойчивого взаимодействия человека и дикой природы (<http://wcs.org>).

⁴PERC — американская эконоНГО, созданная в 1987 г. группой юристов и ученых. Первоначально ее приоритетными были вопросы устойчивого применения энергоносителей. В 1991 г. начали контактировать с российскими НГО и первым из международных НГО привлекли внимание мировой общественности к проблеме сохранения лесов и редких животных на Дальнем Востоке и Сибири. В настоящее время миссией является сохранение биоразнообразия Тихоокеанского бассейна (<http://www.pacificenvironment.org>).

(International Crane Foundation — ICF)⁵, Глобальный «зеленый» фонд (Global Green Fund — GGF)⁶. Но эти МЭНГО не уделили достаточно серьезного внимания формированию сетей между НГО России и Китая. Более того, даже корпоративные сети между аналогичными МЭНГО в России и Китае очень слабые.

Исследования, предшествующие написанию статьи, позволили нам выдвинуть гипотезу, что для успешной сетевой деятельности национальным НГО стран с переходной экономикой необходима помощь третьей стороны — западного посредника. Посредник, который одновременно является донором, может стимулировать трансграничную кооперацию, направляя целевое финансирование именно на развитие сетевой деятельности национальных НГО сопредельных стран. Мы проанализируем, почему до недавних пор ни одна из МЭНГО не смогла стать эффективным посредником, хотя некоторые из них одновременно работают и с Россией, и с Китаем.

В статье также будут обозначены основные проблемы, существующие на российско-китайской границе и способы, которыми НГО пытаются их разрешить. Причины слабого взаимодействия между российскими и китайскими НГО будут проанализированы на основании истории формирования НГО и их сетей в этих странах, структуры политических возможностей и культурных особенностей каждой из стран.

⁵ ICF — частный американский фонд, целью является изучение и охрана журавлей по всему миру. Помогает национальным НГО найти средства на научно-исследовательские работы, охрану местообитаний, искусственное разведение, возвращение птиц в природу, природоохранное обучение и образование (<http://www.mis.rsu.ru/grants/sprav/f3012.htm>).

⁶ GGF — экологический фонд, аккумулирующий средства благотворительных фондов и перераспределяющий их среди локальных НГО. Цель — защита окружающей среды, укрепление экологического движения с помощью предоставления малых грантов. Гранты от 500 до 5 тыс. \$ предоставляются общественным группам в развивающихся странах и странах с переходной экономикой (<http://infohome.alt.ru/competition/eco10.html>).

Статья написана по результатам четырех экспедиций, проведенных в 2002–2004 гг. Две из них были проведены российскими исследователями на территории российского Дальнего Востока (РДВ), одна — китайским партнером в провинции Хэйлудзян. Совместная, российско-китайская экспедиция проходила на приграничных территориях обеих стран. Исследование проводилось качественными методами: за весь период было взято 108 полуструктурированных интервью у представителей НГО, журналистов, ученых. Проводилось участвующее наблюдение, изучалась местная пресса, документы НГО.

Экологические проблемы Дальнего Востока, связанные с близостью Китая

Российско-китайская граница самая протяженная сухопутная граница России, ее длина около 4 тыс. км. Большая ее часть приходится на Дальневосточный федеральный округ. Пограничными с российской стороны являются три субъекта федерации — Амурская область, Хабаровский и Приморский края. В Амурской области граница проходит по реке Амур, в Хабаровском крае — по Амуру и реке Усури, в Приморском крае — по Усури, реке Туманган и частично по суше. С китайской стороны с Россией граничат провинции Делинь и Хейлудзян.

До 1988 г. российско-китайская граница была практически непроницаема. После нормализации дипломатических отношений стала активно развиваться приграничная торговля, начался приток китайской рабочей силы и капиталов на РДВ. Это оказывает положительное влияние на локальную экономику, но одновременно приводит к увеличению эксплуатации природных ресурсов, поскольку основой экономики ДВ является природопользование, а Китай представляет собой практически неистощимый рынок сбыта. Поэтому помимо легального экспорта природных ресурсов в Китай, существует развитая сеть контрабандного вывоза различных биоресурсов.

Сформулируем основные экологические проблемы, которые создает для Дальнего Востока России близость Китая:

- незаконные рубки древесины;
- загрязнение пограничных рек;

- незаконная торговля частями и дериватами редких животных и редкими растениями (сюда же можно включить торговлю биоресурсами, которые не подлежат тотальной охране, но могут оказаться под угрозой исчезновения из-за их варварской заготовки);

- незаконная добыча морских биоресурсов и загрязнение моря.

Нелегальная заготовка леса стимулируется асимметрией экономического развития и природоохранного законодательства России и Китая. Китай является страной с бурно развивающейся экономикой и остро нуждается в строительных материалах. Дальний Восток России ориентирован на продажу леса в виде сырья, «круглого леса», поскольку почти не имеет лесоперерабатывающей промышленности. Местные сообщества находятся в тяжелой экономической ситуации, и для людей, проживающих в приграничных районах, продажа китайцам нелегально заготовленной древесины часто является единственным способом получения дохода.

При этом в Китае с 1998 г. действует (и соблюдается) мораторий на рубки в собственных лесах, а лесная служба России не имеет достаточно сил и ресурсов для полноценного контроля за соблюдением российского лесного законодательства. Нелегальная продажа древесины в Китай превышает легальный экспорт в несколько раз (Котлобай, 2002).

Браконьерской добычей животных и сбором растений занимаются как сами китайские граждане, так и россияне по заказу китайских перекупщиков. На китайской стороне из-за большого количества населения и интенсивного экономического развития практически не осталось неосвоенных территорий, где могли бы обитать животные и растения, которые используются в китайской кухне и народной медицине, поэтому российские биоресурсы представляют для китайцев особый интерес (в той или иной форме об этом говорили практически все российские информанты). Нелегально вывозятся части тигра, леопарда, медведя, струя кабарги, женьшень, аралия, древесные лягушки, трепанг, гребешок и т.д.

Некоторые из этих видов (тигр, леопард, женьшень) относятся к «редким и исчезающим» и находятся под охра-

ной. Добыча других разрешена, но часто они добываются столь варварскими способами и в таких больших количествах, что вскоре их существование также может оказаться под угрозой. Например, чтобы добыть мускусную железу самца кабарги («струю кабарги»), на животных ставят петли, в которые попадают, кроме взрослых самцов, самки и молодняк. В год гибнет до 60 тысяч животных. Для того чтобы собрать древесных лягушек, в водоемы выливают яд, в результате чего гибнет вся обитающая там фауна (инт. № 2; 5; 6; 22; 24). Вылавливают молодь трепанга, выкапывают одно-двухлетние корни женьшеня. Список подобных фактов может быть продолжен, поскольку практически каждый информант упоминал тот или иной факт «экспансии» (инт. № 22) китайских граждан на российскую окружающую среду.

Северные провинции Китая стали активно осваиваться и заселяться в последнее десятилетие. Количество населения в северных провинциях Китая достигло 102,4 млн человек (во всем Дальневосточном федеральном округе, включая территории, не прилегающие к границе, проживает 7,4 млн человек) (Дудченко, 2002). Увеличение населения в северных районах усилило экологическую нагрузку на пограничные реки, особенно на Амур. Например, в бассейне Сунгари, крупнейшего притока Амура с китайской стороны, за последние 10 лет возникло множество населенных пунктов, построены ЦБК, металлургические и нефтеперерабатывающие заводы. Большинство населенных пунктов и промышленных предприятий не имеют очистных сооружений, поэтому вода Амура сильно загрязнена. Подобная проблема на южной границе, на реке Туманган, существовала и ранее, поскольку она течет из традиционно густонаселенных и промышленно развитых районов Китая. В месте впадения Тумангана в залив Петра Великого часты «заморы» рыбы, вода и морские организмы в нем заражены тяжелыми металлами, пестицидами и т.д. (инт. № 31).

Поскольку большинство экологических проблем российского Дальнего Востока связано с близостью Китая, логично было бы предположить, что российские и китайские НГО должны объединяться в сети, для того чтобы разрешать проблемы «с двух сторон». Однако, как уже отмечалось,

взаимодействия между НГО России и Китая практически нет. Перейдем к анализу причин этого явления, проследив историю развития экологических движений России и Китая и их современное состояние в целом и конкретно в приграничных регионах.

История развития и современное состояние экологического движения в России и Китае

Экологические НГО как в России, так и в Китае могут быть разделены на два вида: 1) национальные НГО и 2) отделения МЭНГО. Национальные НГО в свою очередь подразделяются на: а) устойчивые НГО (УНГО), б) студенческие НГО (СНГО), в) локальные НГО (ЛНГО). Остановимся подробнее на сходствах и различиях всех этих групп в двух странах.

а) Россия

Экологическое движение в России, начавшее бурно развиваться в начале перестройки, возникло не на пустом месте. В его основе лежало студенческое природоохранное движение — Дружины охраны природы (ДОП), которые с 1960-х гг. существовали практически во всех естественно-научных вузах СССР. ДОП представляли собой первичные организации Всесоюзного общества охраны природы (ВООП) и действовали под руководством и контролем комсомола. ВООП — массовая организация, формальными членами которой являлось почти все население СССР, платившее членские взносы. Отделения ВООП существовали во всех регионах и подчинялись главному офису в Москве. ВООП помогало правительству СССР реализовывать государственные природоохранные программы. ДОП советского периода занимались помощью заповедникам, рейдовой деятельностью и другими видами общественного контроля над соблюдением природоохранного законодательства СССР (Болотова, Тысячнюк, Воробьев, 1999).

Во время перестройки ДОП стали порождающей средой (Яницкий, 1996) для экологических НГО в силу следующих причин. Принадлежность к ДОП идейно объединяла молодежь из разных вузов, городов и республик СССР, поскольку они все занимались схожими практиками и испо-

ведовали общие ценности «защиты природы». Многие участники ДОП продолжали следовать этим ценностям и после окончания вузов, выбирали области профессиональной реализации, связанные с охраной природы. Кроме того, несмотря на контроль со стороны комсомола и лояльность государству, ДОП были достаточно неформальными организациями. Они объединяли людей, которых можно было бы назвать «тихими диссидентами», поскольку официальная идеология СССР интересовала их гораздо меньше, чем сохранение окружающей среды. Кроме того, во время рейдовой работы в лесу, вдали от идеологического контроля, молодежь училась принимать самостоятельные решения. Все эти особенности движения ДОП привели к тому, что, когда в России стал развиваться неподконтрольный государству третий сектор, «настоящие» и «бывшие ДОПовцы» составили основу экологического движения.

В 1988 г. в Москве была зарегистрирована НГО «Социально-экологический союз» (СОЭС), основанная на целях и принципах движения ДОП. Постепенно включая в себя новых коллективных и индивидуальных членов, СОЭС превратился в крупную и разветвленную сеть национальных НГО. После распада Советского Союза СОЭС стал международной организацией, поскольку в него входили НГО на территории бывших республик СССР (Шубин, 1992), впоследствии в СОЭС вошли национальные и локальные НГО других стран Европы. В настоящее время СОЭС действует как ассоциация НГО, каждая из которых имеет свои собственные приоритеты и бюджет. Кроме того, в России, особенно в крупных городах, существуют УНГО, не входящие в сеть СОЭС. Однако собственно движение ДОП в России утратило широту и популярность. В настоящее время ДОП существуют лишь в небольшом количестве вузов и успешны только в том случае, когда вовлечены в сети МЭНГО или УНГО. Породившая ДОП крупная зонтичная НГО советского периода ВООП трансформировалась в культурно-просветительную НГО, утратило целостность и входит в сети третьего сектора на правах ЛНГО.

МЭНГО, которые в начале 1990-х гг. стали открывать на территории России свои офисы, также рекрутировали сотрудников из среды «бывших ДОПовцев». Это были про-

фессиональные кадры, склонные к интеграции в международное экологическое движение, поэтому очень скоро российские офисы МЭНГО стали состоять целиком из российских сотрудников, включая директоров. В настоящее время представительства МЭНГО в России отличаются от национальных НГО только тем, что имеют больше ресурсов, поскольку являются частью корпоративных сетей. Некоторые МЭНГО, особенно те, стратегия которых включает влияние на экополитику (WWF, Гринпис, ИСАР), даже зарегистрированы как российские НГО и юридически обладают равными с ними правами на территории России. С начала 1990-х гг. МЭНГО, как те, что имели российские офисы, так и те, которые оставались иностранными организациями, проводили на территории России грантовые программы для ЛНГО и инициативных групп местных жителей. Они оказывали ЛНГО финансовую поддержку и привлекали их к реализации своих программ. Таким образом МЭНГО увеличили в России количество структур гражданского общества и расширили свои сети.

Исходя из вышесказанного картина российского экологического движения в настоящий момент выглядит следующим образом. В России действуют МЭНГО двух типов: полностью интегрированные в российское экологическое движение и те, что оказывают финансовую и идеологическую поддержку национальным НГО, оставаясь иностранными агентами. К первым относятся Гринпис, WWF, ISAR, IUCN, Центр охраны дикой природы (ЦОДП), Институт Устойчивых Сообществ (ИУС)⁷. Ко вторым — WCS, PERC, ICF, GGF и множество других частных благотворительных фондов. МЭНГО являются узлами сетей национальных НГО УНГО и ЛНГО, определяя стратегические направления их работы и оказывая им финансовую поддержку.

УНГО в России охватывают весь спектр экологических проблем и все проблемные территории («горячие точки»).

⁷ ИУС — американский благотворительный фонд, образованный в 1991 г., головной офис в штате Вермонт. Миссия — помочь сообществам во всем мире сохранять окружающую среду, решать социально-экономические проблемы и объединять усилия в создании лучшего будущего. Имеет представительства в Болгарии, Македонии и России (<http://iscmoscow.ru>).

Они существуют во всех крупных городах, промышленных центрах, регионах, где расположены АЭС или другие экологически опасные промышленные предприятия, в регионах, где обитают редкие и исчезающие животные. Репертуар действий УНГО в России самый разнообразный. Это может быть а) создание и лоббирование природоохранных законов, б) защита прав граждан на здоровую окружающую среду, в) антиядерная активность, г) борьба с промышленными загрязнениями, д) обоснование и поддержка особо охраняемых природных территорий (ООПТ), е) охрана диких животных, ж) экологическое образование, з) пропаганда ресурсосберегающих практик и технологий и т.д.

Российские СНГО и ЛНГО занимаются решением локальных проблем в местных сообществах. Таковыми являются мониторинг и очистка малых водоемов и рекреационных зон городов и поселков, озеленение, экообразование, помощь государственным природоохранным структурам, организация локальных экологических акций. ЛНГО и СНГО по большей части несамостоятельны, входят в сети, узлами которых являются УНГО или МЭНГО, и выполняют работу по их заказам. Оставшись без финансовой поддержки МЭНГО, такие ЛНГО часто прекращают свою деятельность. По мере развития и повышения устойчивости ЛНГО и СНГО могут трансформироваться в УНГО.

Финансовую основу существования национальных НГО России составляют гранты иностранных фондов. Участники НГО не платят членских взносов. В последние годы по мере снижения западного финансирования российского экологического движения наметилась тенденция поиска финансирования внутри страны. Например, сбор пожертвований с граждан и бизнес-структур. Пока наибольших успехов в этом направлении добились МЭНГО, которые имеют опыт подобной деятельности за рубежом и имеют международный имидж «охранников природы».

б) Китай

В дореформенном Китае не существовало структуры, подобной советскому ВООП, поэтому экологическое движение началось там только в начале 1990-х гг., с началом реформ. Однако если в России начало реформ означало в

первую очередь идеологическую либерализацию, то в Китае рыночная экономика стала развиваться при сохранении жесткого идеологического контроля коммунистической партии и сильной государственной власти. Поэтому первые экологические НГО в Китае были организованы по инициативе государства. Эти организации, существующие до сих пор, носят несколько парадоксальное название «Государственно организованные негосударственные организации (ГОНГО) (Young, 2000).

ГОНГО, существующие в каждой провинции можно уподобить советским общественным структурам, таким как ВООП. ГОНГО получают государственное финансирование и помогают правительству реализовывать экологические программы. Их создание преследует двойную цель: показать международному сообществу, что в стране существуют демократические механизмы, и сократить бюрократические издержки на реализацию правительственных экологических программ. Отличие от ВООП состоит в том, что ГОНГО не объединены в общую структуру и подчиняются Департаментам природы своих провинций.

Согласно классификации, приведенной в начале главы, ГОНГО относятся к УНГО, поскольку достаточно устойчивы и многочисленны. Однако они сильно зависят от финансирующих их государственных агентств и абсолютно лояльны государству. Поэтому ГОНГО занимаются в основном «политически благонадежной» экологической деятельностью — уборкой рекреационных зон, посадкой деревьев, наблюдением за птицами и их подкормкой, очисткой и мониторингом воды в локальных водоемах, экологическим образованием и другими локальными проблемами. Тем не менее в последние годы некоторые ГОНГО стремятся добиться большей самостоятельности, дистанцироваться от государственных агентств, не вступая с ними в конфликты. Таким образом, ГОНГО могут эволюционировать в полноценные структуры гражданского общества.

В Китае очень сложна процедура регистрации НГО, для этого им необходимо заручиться поддержкой какой-либо государственной структуры, поэтому зарегистрированные НГО очень дорожат своим статусом и боятся его потерять. В Китае нет ни одной НГО, которая поднимала бы вопросы

ядерной безопасности или выступала бы против загрязнения окружающей среды, в которых виновны крупные государственные предприятия. Однако в последние годы появились НГО, участвующие в разработке государственной экополитики (Young, 2001).

В центральных районах Китая существует несколько независимых УНГО, включенных в международные сети. Это «Друзья природы» (Friends of Nature) и «Глобальное поселение Пекин» (Global Village of Beijing). Именно эти организации в 2002 г. совместно с МЭНГО участвовали в кампаниях против покупки Китаем древесины из канадских девственных лесов и пенисов канадской нерпы для производства афродизиака. Тем не менее эти УНГО тоже достаточно лояльны государству, поскольку опасаются репрессий с его стороны в том случае, если проявят излишнюю «строптивость».

Например, в 2002 г. во время международной экологической конференции в Сеуле, в которой принимали участие «Друзья природы», НГО соседних с Китаем азиатских стран были сильно озабочены большим количеством неочищенных газовых выбросов на промышленных предприятиях Китая. Они отмечали, что это негативно влияет на экологическую обстановку в их странах, и призывали китайские НГО присоединиться к международной кампании, преследующей цель повлиять на правительство Китая, чтобы уменьшить количество загрязнений. Однако «Друзья природы» не могли себе этого позволить, поскольку это означало бы прямую конфронтацию с государством и могло бы привести к запрещению деятельности этой НГО (инт. № 32; 34; 35).

Положение МЭНГО в Китае также отличается от российского. Китайские офисы МЭНГО находятся под пристальным вниманием и контролем государства. Государство не препятствует природоохранной деятельности МЭНГО, поскольку МЭНГО приносят в страну потоки финансовых средств, но им не позволено подвергать сомнению «правильность» государственной экологической политики Китая. Поэтому деятельность МЭНГО в Китае сфокусирована на охране редких видов и природных территорий. В основном офисы МЭНГО находятся в Пекине, Шанхае и

провинции Юньнань на юге Китая близ границы с Мьянмой, где обитает панда. В офисах МЭНГО работают китайские граждане, но директорами их являются иностранцы. Это усугубляет разрыв между МЭНГО и национальными НГО, так как МЭНГО воспринимаются как иностранные агенты, слабо интегрированные в национальное гражданское общество.

Наибольшую лояльность китайское правительство проявляет к СНГО. СНГО не нужна регистрация, в роли государственной структуры-поручителя выступает учебное заведение. Благодаря этому СНГО в последние годы очень активно развиваются и в данный момент представляют собой наиболее многочисленный и значимый блок экологического движения Китая.

СНГО Китая очень похожи на советские ДОП. Они также существуют под двойным контролем — Молодежного союза (комсомол) и Ассоциации студенческих организаций, которая представляет собой общенациональную ГОНГО. Отличается только репертуар их действий. В Китае нет необходимости в студенческих рейдовых бригадах, поскольку государство само справляется с нарушителями законов. Китайские студенты занимаются озеленением, раздельным сбором мусора, экологическим образованием детей, организацией праздников, связанных с охраной природы, экспедиций и летних экологических лагерей. Между СНГО Китая существует хорошая коммуникация через Интернет, помимо рассылок действует специальная общенациональная платформа для общения студентов-экологов (www.greenweb.org).

С 1998 г. в Китае растет число ЛНГО. Причем если раньше в них входила в основном интеллигенция, то в настоящее время социальный состав ЛНГО становится более разнообразным, поскольку идея охраны природы популярна среди китайского населения (Yanfei, Tysiachniouk, 2004). Однако развитие и повышение устойчивости ЛНГО натывается на законодательный барьер. По китайским законам допускается существование только одной НГО каждого типа (например, экологической) на каждом административном уровне. Следовательно, если статус «главной экологической организации» провинции исполняет ГОНГО, то все

последующие инициативы должны регистрироваться, как его подразделения. Поэтому ЛНГО действуют в том же режиме, что и ГОНГО — государства и головной ГОНГО.

Финансовую основу ГОНГО и СНГО составляет государственное финансирование и членские взносы. Это очень небольшие суммы, поэтому все китайские информанты отмечали недостаток ресурсов, как главный сдерживающий фактор своей активности (ин. № 32–35). МЭНГО не имеют права брать членских взносов и собирать пожертвования с китайских граждан. Западное финансирование китайских НГО направлено главным образом на ЛНГО и СНГО провинции Юньнань, и две УНГО — «Друзья земли» и «Глобальное поселение Пекин». СНГО и ЛНГО остальной части Китая получают пока относительно мало иностранных грантов, хотя все НГО к этому стремятся и постепенно осваивают этот способ финансирования. В последние годы иностранные гранты стали получать даже наиболее активные ГОНГО.

Перейдем к рассмотрению состояния экологического движения в приграничных регионах России и Китая и отношения к трансграничным экологическим проблемам.

Экологические организации на Российском Дальнем Востоке

Во время двух экспедиций изучались экологическое движение в трех административных единицах Дальневосточного федерального округа: Приморском и Хабаровском краях и Амурской области. Приграничные территории РДВ составляют экорегион⁸, признанный международным экологическим сообществом «горячей точкой» (Пчелкина, Тысячнюк, 2004). Поэтому здесь наблюдается высокая концентрация МЭНГО и национальных НГО.

⁸ Термин введен WWF. Исследования, проведенные по инициативе WWF в рамках международной программы «Живая планета», показали, что на Земле существует около 200 регионов, в которых сосредоточено 95% всех видов живых организмов. Эти регионы получили названия «экорегионов», и их охране уделяется особое внимание. На территории России находится 16 экорегионов.

Наибольшее количество НГО всех видов на РДВ сконцентрировано в Приморском крае. Владивосток, самый крупный дальневосточный город, традиционно воспринимается жителями региона как столица РДВ. Это является одной из причин того, что МЭНГО выбрали Владивосток в качестве места открытия офисов. Другой причиной является то, что экологические проблемы в крае более многообразны, чем в других субъектах РДВ. Основные популяции редких животных обитают в Приморье. Приморский край имеет наиболее протяженную и удобную для перехода российско-китайскую границу. Основной экспорт леса, в том числе и добытого в других субъектах, происходит через приморские железнодорожные станции.

Наиболее активны на РДВ следующие МЭНГО: местные офисы WWF, WCS, ISAR, Региональный центр Программы РОЛЛ⁹. Также значительна роль PERC и ICF, которые не имеют офисов в России, однако полностью выполняют роли и функции, свойственные МЭНГО — строительство сетей НГО и направление по ним финансовых потоков.

Самой известной и влиятельной МЭНГО является WWF. Это происходит благодаря широкому спектру поднимаемых им проблем и умело построенной PR-политике. Офис WWF-ДВ основан в 1994 г. WWF реализует на РДВ четыре больших природоохранных программы: Лесную, Морскую, сохранения редких видов животных, сохранения пресноводных экосистем Амура, — и множество проектов. Он инициировал создание в экорегионе рейдовых бригад разной специализации (антибраконьерских, противопожарных, по задержанию незаконно заготовленной древесины), координирует создание экорегиональной системы особоохраняемых территорий (ООПТ). WWF России взял на себя реализацию программы TRAFFIC, и Дальневосточный офис в рамках TRAFFIC проводит исследования российско-китайского рынка объектов флоры и фауны (инт. № 5).

⁹ РОЛЛ/ ROLL — Программа «Распространение опыта и результатов». Социально-экологическая программа ИУС. Предназначена для внедрения природоохранных проектов и укрепления партнерства между НГО разных регионов России. Имеет головной офис в Москве и шесть региональных центров. Программа 2000–2005 гг. финансируется USAID (буклет «Программа РОЛЛ на Дальнем Востоке». Хабаровск, 2003).

Офис WCS во Владивостоке создан в 2000 г., но в Приморье фонд работает начиная с 1992 г. на базе Сихотэ-алинского заповедника. Программа WCS направлена на сохранение тигра и леопарда. Фонд проводит собственные исследования, оказывает помощь ООПТ и финансирует российских ученых и научные коллективы, которые проводят исследования по темам, предлагаемым WCS.

Деятельность ISAR сфокусирована на развитии гражданского общества. ISAR открыл офис во Владивостоке в 1994 г., и к настоящему времени провел две больших грантовых программы для ЛНГО. Первая грантовая программа ISAR предусматривала поддержку не только экологических, но и социальных ЛНГО. В ходе ее реализации были открыты ресурсные центры НГО в шести регионах РДВ. В Хабаровском крае функции ресурсного центра ISAR выполняет центр поддержки общественных инициатив «Дружина». По словам одного из его лидеров, *«мы являемся няньками, детским садом для НГО, которые только начинают свои первые шаги, которые пока не имеют серьезной устойчивости»* (инт. № 21). «Дружина» оказывает информационную помощь и помощь в поиске финансирования для организаций экологического образования и небольших инициативных групп. С 2000 г. ISAR реализует программу «Живое море», направленную на сохранение морского биоразнообразия (инт. № 17).

Функции регионального центра программы РОЛЛ с 2001 г. выполняет НГО «Зеленый дом» в Хабаровске. Экологические проекты, финансируемые РОЛЛ, имеют социальный акцент. Они связаны с профилактикой заболеваний, связанных с загрязнением окружающей среды, развитием экологически ответственного мелкого бизнеса, внедрением природоохраняющих технологий, экологическим просвещением. Большое внимание уделяется межсекторному взаимодействию, поэтому «Зеленый дом» проводит тренинги не только для НГО, но и для бизнес-структур, помогает им наладить партнерство.

География действий PERC и ICF выходит за границы экорегиона. У PERC она распространяется на весь тихоокеанский бассейн (в России это Сибирь и РДВ). PERC занимается администрированием грантов для СНГО и ЛНГО,

называет своим приоритетом создание сетей и направление по ним финансовых потоков¹⁰. По словам одного из информантов, «*PERC собственно создал все базовые организации РДВ и Сибири, и продолжает финансировать*» (инт. № 10), другие информанты (инт. № 17, 18, 20) также отмечали лидирующую роль PERC в создании сетей национальных НГО. ICF в России действует в ареалах распространения различных видов журавлей. Он финансирует проекты УНГО и ЛНГО, направленные на охрану и увеличение численности журавлей, а также национальную российскую программу по сохранению разных видов журавлей.

Наиболее активными УНГО Дальнего Востока являются «Бюро региональных общественных кампаний» (БРОК), фонд «Феникс», «Зов тайги» (Владивосток); «Хабаровский фонд диких животных», «Экодадь» (Хабаровск), «Страж тайги» (Комсомольск-на-Амуре), «Амур-СОЭС» (Благовещенск). БРОК поддерживает идеологию Гринпис и считает себя его представительством на РДВ (инт. № 10). Миссия БРОК состоит в том, чтобы привлекать внимание общественности к нарушениям экологического законодательства и тем самым оказывать давление на власти. Инструментами «общественных кампаний» служат протестные акции, общественные слушания, судебные иски, публикации в СМИ. БРОК издает журнал «Экология и бизнес» и выпускает телепрограмму «Заповедано», которая транслируется местными телекомпаниями.

СНГО «Зов тайги» имеет специализацию — издательско-полиграфический центр НГО. Он разрабатывает и производит для НГО плакаты, листовки, другую печатную продукцию. Кроме этого, «Зов тайги» издает журнал и выпускает телепрограмму с таким же названием.

Фонд «Феникс», поддерживает инициативы, направленные на сохранение редких и исчезающих видов. Он аккумулирует у себя средства иностранных фондов и распределяет их среди ЛНГО. Также «Феникс» материально поддерживает рейдовые бригады, созданные WWF, и отдельных общественных инспекторов.

¹⁰ <http://www.pacificenvironment.org>.

«Фонд диких животных» образован группой ученых. Он определяет свою миссию как «сохранение уникального биоразнообразия РДВ». Его основная деятельность направлена на развитие системы ООПТ и экологическое просвещение населения. «Фонд диких животных» координирует большинство экологических программ и проектов, проходящих на территории Хабаровского края, и работает в тесном сотрудничестве с властью региона (Основные направления, 2003).

«Экодаль» объединяет группу ученых и юристов, которая сформировалась в ходе работы над Лесным кодексом Хабаровского края. Эта НГО осуществляет судебную защиту экологических интересов граждан, разработку нормативно-правовой документации, издательскую деятельность, научные исследования¹¹. Задачами молодежной НГО «Страж тайги» являются экопросвещение, контроль за соблюдением природоохранного законодательства на территории Хабаровского и Приморского краёв, участие в оптимизации системы ООПТ¹².

«Амур-СОЭС» контролирует весь спектр экологических проблем и является узлом сети НГО в Амурской области. Коллективным членом «Амур-СОЭС» является ДОП «Барс». «Барс» единственная в экорегионе, и возможно, даже в России, ДОП которая работает под патронажем НГО, обычно работу ДОП курируют вузы или заповедники (инт. № 20). За счет «Барса» «Амур-СОЭС» стала самой многочисленной УНГО на РДВ, у нее около двухсот членов. В целом УНГО, как РДВ, так и России в целом, немногочисленны и профессиональны. Обычно они состоят из 5—10 человек.

ЛНГО на РДВ больше, чем в целом по России. Это объясняется стратегией поддержки «горячих точек» со стороны МЭНГО. Как уже было сказано выше, ЛНГО и незарегистрированные инициативные группы на Дальнем Востоке поддерживаются всеми МЭНГО. Наиболее распространенная специализация ЛНГО — экологическое образование. Это объясняется тем, что помимо МЭНГО гранты на создание системы экологического образования школьников выделяет Министерство образования России (инт. № 13). Так-

¹¹ <http://ecodal.kht.ru/activity.html>

¹² <http://www.taiga-kms.com>

же в регионе существует 8 ДОП и несколько СНГО другого репертуара. ДОП действуют в репертуаре советских дружин охраны природы — участвуют в рейдах, помогая государственным инспекторам. В небольших населенных пунктах действуют ЛНГО, которые занимаются решением локальных экологических проблем.

Отношение НГО РДВ к трансграничным экологическим проблемам и возможностям их решения

Озабоченность существующими на РДВ трансграничными экологическими проблемами высказали практически все информанты российской стороны — активисты, журналисты, ученые. Деятельность всех МЭНГО и УНГО в той или иной мере связан с решением этих проблем. Местные жители хорошо осведомлены о трансграничных проблемах, поскольку в экорегиональные сети МЭНГО и УНГО включены НГО экологически ориентированных журналистов, которые регулярно освещают трансграничные проблемы в СМИ.

В массовом повседневном дискурсе «виновником» экологических проблем РДВ большинство информантов назвали Китай и китайских граждан. Информанты объясняли это тем, что Китай густонаселен и переживает период бурного экономического развития, поэтому остро нуждается в экспорте природных ресурсов и не имеет средств для внедрения экологически чистых технологий в промышленности. В одном из интервью даже прозвучало определение: *«Наша главная экологическая проблема — это китайцы. Они голодные и бурно развивающиеся»* (инт. № 24).

Наибольшую категоричность в обвинениях Китая проявили журналисты и ученые. Экономическая активность китайских граждан на РДВ расценивается ими в контексте «завоевания» — *«они считают Дальний Восток своей территорией, некоторые прямо говорят: мы все равно сюда придем, вам тут ничего не надо»* (инт. № 22). Отсутствие сотрудничества между китайскими и российскими НГО информанты-журналисты объясняли непреодолимой разницей культур и интересов (инт. № 23). По их мнению, трансграничные проблемы можно решить только на уровне диалога глав государств.

Экологические активисты, особенно представители МЭНГО и УНГО, были более корректны в своих высказываниях и подчеркивали возможность и необходимость трансграничного сотрудничества третьего сектора. Но на практике примеров такого сотрудничества крайне мало. Существует только одна ЛНГО «Друзья Муравьевского парка», которая тесно сотрудничает с китайскими НГО и заповедником в области охраны перелетных журавлей (инт № 37). В интервью представителя БРОК было рассказано о налаженном взаимодействии с китайской стороной в области незаконного экспорта леса, и то это касалось лишь предоставления информации (инт № 10). Лидер «Амур-СОЭС» рассказал о попытках самостоятельно найти партнеров для совместной работы: *«Мы уже 4 года пытаемся... Вот сейчас у нас девочка, говорящая по-китайски, поехала в Китай. Полгода уже крутится там... Но пока подвижек во взаимодействии нет... Мы пытались налаживать связи, и с Харбином, и с Хайхэ, и с Пекином»* (инт. № 20).

Информанты называли следующие причины неразвитости российско-китайских сетей НГО:

- а) языковой барьер;
- б) отсутствие информации о китайских НГО;
- в) слабость китайских НГО и их зависимость от государства;
- г) культурные различия;
- д) от трансграничных проблем «страдает» только российская сторона, поэтому китайские представители, даже НГО, не заинтересованы их решать.

Теперь попробуем посмотреть на трансграничные экологические проблемы с другой стороны границы.

Экологические организации Китая на границе с Россией

Во время полевого исследования в Китае в 2004 г. изучались НГО в провинции Хэйлудзян (столица Харбин), поскольку эта провинция имеет наиболее протяженную границу с Россией. Концентрация экологических НГО в провинции ниже, чем в целом по Китаю и значительно ниже, чем по ту сторону границы. Это объясняется тем, что в отличие от РДВ, где почти нет промышленности и

сельского хозяйства, Хэйлудзян — развитая сельскохозяйственная и индустриальная область. В Хэйлудзяне почти не осталось нетронутых природных территорий, поскольку индустриализация началась в провинции еще в 1970-х гг.

Значительно отличаются и структуры экологических движений Северо-восточного Китая и РДВ. В Хэйлудзяне имеется незначительное присутствие МЭНГО, отсутствуют УНГО, не активны ЛНГО. Наиболее активны в провинции ГОНГО и СНГО, которые в основном сконцентрированы в Харбине.

Непосредственно в Хэйлудзяне нет ни одного офиса МЭНГО. Хотя некоторые МЭНГО, например GGF через посредничество PERC и ICF, финансируют работу национальных НГО провинции. Также в одном из университетов Харбина изучает китайский язык россиянин — представитель российского WWF, «бывший ДОПовец». Он считает своей задачей способствовать развитию студенческого движения в Китае и построению сетей между китайскими СНГО и российскими СНГО (инт. № 38). Этот информант рассказал, что российский и китайский офисы WWF обсуждают возможность организации в Харбине еще одного офиса WWF, работа которого будет сфокусирована на российско-китайских трансграничных проблемах и сотрудничестве с российскими НГО. Но на данный момент ни WWF, ни какая-либо из МЭНГО не ведут подобной работы.

В Хэйлудзяне нет УНГО, которые были бы вовлечены в международные сети. Также здесь почти нет самостоятельных зарегистрированных ЛНГО. Единственный найденный пример успешной ЛНГО — это «Ассоциация охраны красноее журавля» (Qiqiha'er Red-Crowned Crane Protection Volunteer Association), существующая в природном резервате близ Хэйхэ. Она была основана администрацией резервата и журналистом наиболее популярной в Хэйхэ газеты. Это та самая ЛНГО, о сотрудничестве с которой рассказывали информанты из Благовещенска.

Наиболее значительными и известными НГО в Хэйлудзяне являются ГОНГО «Ассоциация экологических волонтеров провинции Хэйлудзян» (Environmental Volunteers Association Heilongjiang Provinces, EVАНП) и подчиненная ей «Ассоциация экологических волонтеров Харбина»

(«Harbin City Environmental Volunteers Association», НСЕВА). Среди множества СНГО заслуживают особого упоминания СНГО Технологического института «Зеленый союз» («Green union»), СНГО Северо-восточного университета леса «Зеленый ангел» («Green angel») и СНГО Харбинского университета торговли «Ассоциация зеленой цивилизации» («Green civilization associations»). Эти три СНГО действуют с 1997 г., и к настоящему моменту аккумулировали у себя основную часть материальных и социальных ресурсов. Остальные СНГО возникли после 2000 г. и пока не развились в значимые организации.

ЕВАНР и НСЕВА — типичные ГОНГО. Например, руководителями ЕВАНР являются коммунистические руководители провинции, сотрудники госдепартаментов и других государственных агентств и корпораций. ЕВАНР включает в себя как коллективных, так и индивидуальных членов. Индивидуальные члены ЕВАНР, это знаменитые люди провинции, их задача быть «лицом» организации и вызывать к ней уважение со стороны населения. То есть, они вносят в ГОНГО свой личный социальный капитал в качестве ресурса. Коллективные члены, это представители корпораций, в чьи обязанности входит оплата членских взносов размером 3–5 тыс. юаней в год.

ГОНГО Хэйлудзяна являются идеологическими организациями, цель которых не столько мобилизовать население на охрану природы, сколько кооптировать гражданские инициативы. Поэтому ЕВАНР и НСЕВА стремятся включать в свой состав в качестве дочерних организаций различные ЛНГО и СНГО. Этому способствует китайское законодательство, как было указано выше. В результате таких слияний ГОНГО повышают свой авторитет и влияние, а «поглощенные» НГО лишаются самостоятельности.

Подобные слияния или их попытки часто вызывают конфликты, в которые иногда вмешивается государственный сектор. Например, когда НСЕВА оказывал давление на СНГО «Зеленый союз», чтобы заставить его войти в свой состав, «Зеленый союз» привлек в качестве «защитника» свой университет, и только благодаря его поддержке сохранил самостоятельность. Еще один конфликт, связанный со слиянием, произошел в 2003 г. 12 СНГО Харбина орга-

низовали «Зеленый экологический альянс Лонджьян» (Green Longjiang Environment Alliance), который должен был выполнять функции дискуссионного форума, ресурсного и координационного центра для СНГО провинции. Однако во время регистрации в Бюро гражданских инициатив выяснилось, что «Зеленый Лонджьян» не может быть независимой НГО на уровне провинции, так как в Хэйлудзяне уже была ЕВАНР. Для того чтобы получить легальный статус «Зеленый Лонджьян» должен был пройти регистрацию как вторичная НГО, подразделение ЕВАНР. Это вызывало большое недовольство со стороны «Зеленого союза», наиболее активной и независимой СНГО, и в 2004 г. «Зеленый союз» вышел из состава «Зеленого Лонджьяна».

Как уже было упомянуто, наибольшую роль в студенческом движении провинции играют три СНГО. Мы остановимся подробнее на двух наиболее влиятельных — «Зеленом союзе» и «Зеленом ангеле». Эти СНГО олицетворяют собой две различных стратегии, показательных для китайских студенческих организаций.

Сначала мы остановимся на их общих чертах, затем перейдем к различиям. Общих черт у «Зеленого союза» и «Зеленого ангела» три — это наличие сильного лидера, интеграция в общекитайское студенческое движение и то, что деятельность этих СНГО выходит за рамки студенческой среды и распространяется на все местное сообщество. Различия состоят в степени независимости от администрации и комсомола своего учебного заведения.

Личные качества лидера напрямую влияют на успешность той или иной СНГО. Это говорит о том, что структура НГО в Китае еще недостаточно институционализирована. Следует отметить, что эта особенность характерна не только для китайских, но и для российских НГО. Информанты российской стороны также отмечали, что каждая организация ассоциируется в первую очередь с личностью лидера. «Харизматический» лидер является залогом успеха организации, а недостаток лидерских качеств у руководителя приводит к тому, что НГО неустойчива и быстро перестает существовать. Лидеры «Зеленого союза» и «Зеленого ангела» имели авторитет в своих учебных заведениях и обладали всеми необходимыми лидерскими качествами,

поэтому эти организации быстро завоевали авторитет в Харбине.

Обе СНГО интегрированы в национальные сети студенческих организаций Китая. Они участвуют в национальных студенческих и форумах и студенческих лагерях, поэтому служат каналами, по которым информация о национальном студенческом движении поступает в другие СНГО провинции Хэйлудзян. Это повышает их авторитет как среди СНГО, так и среди местных государственных структур.

Активность «Зеленого союза» и «Зеленого ангела» «выходит за рамки кампуса». «Зеленый союз» в течение трех лет готовил и вел воскресную радиопередачу об окружающей среде на Харбинском радио искусства и культуры. Каждый год «Зеленый союз» устраивал общегородскую акцию озеленения, в которой кроме студентов участвовали жители города. Количество участников акции достигало 5000 человек. «Зеленый ангел» издает экологический журнал «Одуванчик» («Dandelion») и занимается организацией летних студенческих экологических лагерей. В 2004 г. лагерь работал в заповеднике близ российско-китайской границы. В работе лагеря принимали участие не только члены «Зеленого ангела», но и другие студенты. Деятельность обеих СНГО широко освещаются в местных СМИ. «Зеленый союз» и «Зеленый ангел» получают гранты GGF, поэтому их финансовое положение выгодно отличается от положения других СНГО провинции, которые существуют на небольшие членские взносы (8–10 юаней, т.е. около 1 доллара в год) и небольшую поддержку своих вузов.

Различные СНГО отличаются друг от друга по степени контроля и давления на них со стороны вуза. Обычно от независимости напрямую зависит успешность организации. Некоторым СНГО удается организовать независимое от вуза социальное пространство. Обычно это происходит в том случае, когда в деятельности СНГО нет ничего скандального, и общественная активность студентов не вредит их успеваемости. Также это зависит от личностей руководства вуза и комитета комсомола. Бывает, что декан факультета сам увлечен идеей охраны природы и защищает студентов даже в тех случаях, когда у них возникают конфликты с преподавателями.

«Зеленый союз» имеет определенную самостоятельность, а «Зеленый ангел» находится в сильной зависимости от ком-

сомола. Комсомольские руководители университета занимают руководящие позиции в «Зеленом ангеле», принимают все основные решения, вплоть до назначения президента СНГО. От имени «Зеленого ангела» в СМИ выступают не его активисты, а представители комитета комсомола.

Информанты отмечали, что у столь тесной взаимосвязи «Зеленого союза» с комсомолом есть как плюсы, так и минусы. К плюсам можно отнести то, что комсомол защищает студентов от преподавателей, оказывает им финансовую поддержку, предоставляет помещение и компьютеры, помогает рекрутировать новых членов, проводя агитацию среди студентов. К минусам то, что слишком большой контроль со стороны комсомола препятствует проявлению студенческой инициативы. «Зеленый ангел» очень многочисленная организация, он насчитывает 1200 членов, но из них по-настоящему увлеченных активистов около 10.

Рядовые участники «Зеленого ангела» считают, что их СНГО эксплуатируется комсомолом, который таким образом повышает свой политический капитал, поскольку среди молодых китайцев коммунистическая идея утрачивает свою популярность, а идеи охраны природы и устойчивого развития, наоборот, становятся все более популярными. Идеальной моделью, с точки зрения студентов, было бы, если бы «Зеленый ангел» действовал, как самостоятельная организация, и пусть в него входило бы не так много людей, но все они были бы мотивированными и активными (инт. № 34).

«Зеленый союз» получает меньше поддержки, но и меньше контролируется со стороны своего вуза. Информант называл отношения между СНГО и вузом «прохладными» (инт. № 32). «Зеленый союз» считает Ассоциацию студенческих организаций и комсомол бюрократическими структурами и старается от них дистанцироваться. Тем не менее комсомол финансировал некоторые инициативы студентов, например «акции дикой природы» — поездки на праздники в провинцию. Администрация университета помогла «Зеленому союзу» сохранить независимость в упоминаемом выше случае, когда ГОНГО НСЕВА пыталась заставить СНГО стать своим подразделением. В «Зеленом союзе» около 30 членов, но все они очень активны.

Таким образом, мы видим, что «Зеленый союз» и «Зеленый ангел» представляют собой две разные модели органи-

зационных структур. По этому поводу у них возникают конфликты и взаимные недовольства. Информанты из «Зеленого союза» называли участников «Зеленого ангела» *«марионетками в руках университета»*, а те в свою очередь обвиняли «Зеленый союз» в снобизме и нежелании сотрудничать. Между «Зеленым союзом» и «Зеленым ангелом» возникали противоречия, вызванные конкуренцией за ресурсы и общественное признание. Все это мешает образованию сети между СНГО Харбина.

Отношение НГО провинции Хэйлудзян к трансграничным экологическим проблемам и возможностям их решения

Как показало полевое исследование, участники приграничных китайских НГО не информированы о существующих российско-китайских экологических проблемах. Это происходит в силу того, что эти проблемы не освещаются в Китае средствами массовой информации и поэтому не включены в общественный дискурс. Такая ситуация, противоположная российской, объясняется тем, что именно Китай выступает в роли «экологического агрессора» по отношению к России. Китайские государственные и коммерческие структуры имеют определенные выгоды от эксплуатации российских природных ресурсов, поэтому не очень заинтересованы привлекать внимание общественности своей страны к трансграничным экологическим проблемам.

Экологическое движение в провинции Хэйлудзян развито слабее, чем в целом по Китаю. МЭНГО и УНГО работают в основном, в других регионах страны. В провинции существуют только ГОНГО и СНГО. ГОНГО не могут заниматься трансграничными экологическими проблемами, если не получают на это согласие соответствующих правительственных департаментов. СНГО еще слишком слабы, обладают недостаточным количеством ресурсов для того, чтобы, помимо большого количества внутренних экологических проблем, заниматься еще и трансграничными.

В интервью участники СНГО говорили, что хотели бы сотрудничать с российскими НГО и решать трансграничные проблемы, потому что «природа не знает границ». Это свидетельствует о том, что молодые китайские экологичес-

кие активисты обладают глобальным экологическим сознанием. Однако в реальности трансграничные проблемы не являются для них приоритетными.

Подтверждением тому служит интервью с представителем GGF. Этот фонд финансирует инициативы СНГО и ЛНГО в России и Китае, причем грантовая программа рассчитана не на решение конкретных задач, а на то, чтобы поддержать инициативы, которые родились внутри НГО. Такой политики GGF придерживается и в Китае, и в России. Ни одна китайская СНГО не просила финансовой помощи для налаживания сотрудничества с российскими НГО. Однако из того же интервью следует, что и российские НГО, прося финансовой поддержки для решения трансграничных проблем, не рассматривали сотрудничество с китайскими НГО как ресурс для решения этих проблем. В основном средства просили на то, чтобы противостоять «китайской экспансии», а не создавать трансграничные экологические альянсы.

Заключение. Причины отсутствия сотрудничества между российскими и китайскими НГО.

Перспективы и рекомендации

Построение сетей и альянсов третьего сектора было исследовано итальянским социологом Марио Дайани (Diani, 1995). Социологическое исследование проводилось на примере итальянских НГО, стран, но частично может быть экстраполировано в российско-китайский контекст. Дайани пишет, что построение сетей не есть продукт сознательного выбора членов НГО, способность к кооперации определяется многими факторами: наличием денег и ресурсов, структурой политических возможностей, сходствами и различиями потенциальных партнеров. Сходства и различия могут касаться организационной культуры, идентификации и самоидентификации, идеологии и культурной ориентации, социализации и социальной среды, конструирования фреймов. Мы можем применить схему Дайани, в нашей работе, добавив в нее два пункта, неактуальные для его исследования, но важные для нашего случая. Первый — это внешние силы (МЭНГО), которые могут содействовать или препятствовать построению сетей. Второй — это различные структуры политических возможностей России

и Китая, поскольку в этих странах разные взаимоотношения между государством и гражданским обществом.

Существуют «внешние» и «внутренние» барьеры, препятствующие эффективному сотрудничеству между НГО Китая и России. По-другому они могут быть названы глобальными и локальными. Под «глобальными барьерами» мы подразумеваем те мешающие взаимодействию барьеры, которые возникают под действием внешних сил, как побочные или случайные эффекты локализации глобальных стратегий экологического третьего сектора. Эти барьеры не могут быть преодолены силами национальных НГО Китая и России, для этого требуются усилия глобальных акторов. «Локальные барьеры» обусловлены культурными, политическими, социальными различиями стран и людей, которые могут быть преодолены в результате диалога между представителями НГО Китая и России.

Глобальной причиной неэффективного трансграничного сотрудничества является то, что структура международных экологических сетей не предусматривает прямого взаимодействия между Китаем и Россией. В первую очередь это связано асимметрией «горячих точек». «Горячая точка» России — это РДВ. «Горячая точка» Китая — места обитания панды, расположенные на юге страны, вдали от российской границы. Именно в охрану этих территорий МЭНГО вкладывают наибольшее количество благотворительных средств и уделяют внимание формированию на этих территориях гражданского общества. Собственно российско-китайская граница не является «горячей точкой», поэтому не является и приоритетным направлением для финансирования и построения сетей. Поэтому в непосредственной близости от российской границы, в провинции Хэйлудзянь нет активных УНГО, которые могли бы сотрудничать с российскими НГО. А СНГО для этой цели не подходят, поскольку их роль обычно состоит в том, чтобы поддерживать УНГО, помогать им.

Структуру сетей во многом определяют денежные потоки. Китай и Россия выступают в роли реципиентов, а приоритетные направления использования средств на охрану природы определяют доноры. Поэтому НГО Китая и России могут сотрудничать только в том случае, когда есть

посредник-донор. Удачным примером такого сотрудничества может послужить программа по охране дальневосточного журавля, в ходе которой выстроены сети между ЛНГО Китая и России. Это направление курируется ООН, которая финансирует охрану журавля на правительственном уровне в Китае и России через Глобальный экологический фонд (Global Environmental Facility — ГЭФ). Кроме того, средства на охрану дальневосточного журавля в обеих странах выделяет ICF.

Разница источников финансирования может быть помехой даже для эффективной работы корпоративных сетей МЭНГО. Например, российский офис WWF, реализуя Лесную программу, основной составляющей которой является борьба с незаконным экспортом леса в Китай, на протяжении нескольких лет не мог привлечь к сотрудничеству в этом направлении китайский офис WWF. Такое поведение китайского офиса дальневосточный WWF трактовал, как слабость и не активность (инт. № 2, 4). Но суть состояла в том, что дальневосточный офис WWF финансировался донорами из Германии и Нидерландов, а китайский — Азиатской сетью. Поэтому Лесные программы российского и китайского WWF имели разные задачи и преследовали разные цели. Доноры китайского WWF не ставили перед ним задачи бороться с незаконными рубками на Дальнем Востоке, это объясняет отсутствие интереса у китайского WWF к данной проблеме.

Положение изменилось только в последние годы, когда крупная деревообрабатывающая фирма IKEA, озабоченная своим экологическим имиджем, начала работать в России и Китае. WWF вступил в партнерские отношения с IKEA, и с 2003 года начался процесс объединения усилий WWF России и Китая по борьбе с контрабандой биоресурсов из России в Китай. В 2004 году была разработана общая стратегия Лесной программы для офисов WWF России и Китая (Старостина, 2004).

К локальным барьерам относятся следующие:

1. Языковой барьер и вытекающая из него слабая взаимная информированность НГО Китая и России друг о друге.
2. Различная структура политических возможностей в России и Китае.

3. Дискурсивное предубеждение российских граждан против китайцев, имеющее исторические корни.

Языковой барьер является очень серьезным препятствием для сотрудничества. Очень мало китайцев знают русский язык, и очень мало россиян знают китайский. Российский информант сообщил, что в среде дальневосточных НГО почти нет людей, владеющих китайским языком. В этом плане третий сектор отстает от коммерческого сектора, который выстраивает более эффективные сети и уже преодолел языковой барьер, тем более что на РДВ достаточно много учебных заведений, где преподают китайский язык. Положение усугубляется отсутствием языка-«посредника». Английский язык, который является общепотребительным в среде экологических НГО Европы, уже перестал быть проблемой для большинства российских НГО, особенно тех, что включены в сети МЭНГО. Однако, в среде китайских НГО еще очень мало людей, которые знают английский.

Таким образом, из языкового барьера вытекает проблема слабой информированности российских и китайских НГО друг о друге. Основная информация международного экологического третьего сектора распространяется через Интернет на английском языке. Китайским СНГО и ГОНГО она, практически, недоступна. Российским НГО тоже недоступна электронная информация о китайских НГО, поскольку она распространяется на китайском языке. Также языковой барьер тормозит развитие и интеграцию в международные сети китайских СНГО и ЛНГО, поскольку они попадают в замкнутый круг — недостаток ресурсов мешает им искать международных контактов, а незнание английского языка не дает преумножить свои ресурсы, расширяя контакты с иностранными донорами.

Вторым серьезным барьером является различная структура политических возможностей в России и Китае. Как видно из предыдущих глав, в России НГО пользуются большей политической свободой, чем в Китае. Даже признавая успехи гражданского общества Китая и учитывая его своеобразие, следует отметить, что китайское государство все еще остается централизованным авторитарным режимом, обладающим сильными репрессивными возможностями. Исследователи характеризуют гражданское общество Ки-

тая, как слабое, пассивное, плохо организованное (Zhao, 2001). Из-за сложной системы регистрации многие НГО остаются незарегистрированными. Государству нужна помощь НГО в определенных областях, но оно не разрешает НГО ставить под вопрос государственную политику. Возможно, китайские НГО деполитизированы и сами устанавливают барьеры для своей деятельности, поскольку даже не представляют себе возможности отсутствия кооперации с государством.

Однако нельзя с полным основанием сказать, что китайские НГО сплошь «карманные», «проправительственные» и «конформные». Западные исследователи пришли к выводу, что гражданское общество азиатских стран не может быть адекватно оценено, если брать за основу исключительно европейские ценности и нормы. Была отмечена меньшая конфликтность структур китайского гражданского общества по отношению к государству (Brook, 1997; Weller, 1999; Perry, Sheldon, 2000). Однако, по их мнению, меньшая степень конфликтности, «протестности» китайских НГО не означает их неэффективности. Кроме того, в качестве структур гражданского общества, защищающих права населения могут выступать местные государственные службы (Weller, 1999).

Подтверждает различие взаимоотношений китайских и российских НГО со своими государствами факт, упомянутый в одной из предыдущих глав данной статьи. В Китае, практически не имеющем сильных и известных «протестных» НГО, начали развиваться «лоббировующие», т.е. НГО, оказывающие влияние на формирование национальной экополитики. В России, наоборот, «протестных» экологических НГО довольно много, но они не имеют реальной возможности влиять на российскую экополитику, это удается только наиболее влиятельным МЭНГО.

Учитывая своеобразие китайского гражданского общества, возможно, российским НГО следует искать контактов с наиболее лояльными государству НГО. Возможно, первым шагом должно стать налаживание связей с влиятельными ГОНГО. Не исключено, что ГОНГО смогут убедить курирующие их государственные органы, что участие в решении китайско-российских трансграничных экологи-

ческих проблем является достаточно «политически благонадежной» деятельностью и не выходит за пределы их миссии.

Второй аспект различия структуры политических возможностей России и Китая также вытекает из того, что китайское государство стоит на защите национальных экономических интересов. Поэтому успех сетей третьего сектора в Китае напрямую зависит от того, насколько сильна экономическая значимость того или иного ресурса для китайского государства. Когда китайские экономические интересы не затронуты, как в случае охраны журавля или тибетской антилопы, или затронуты не очень сильно, как в случае с канадскими девственными лесами, сети НГО добиваются успеха.

Однако, например, по вопросу загрязнения Амура Китай не хочет идти на контакты с Россией, поскольку в настоящее время государство не может кардинально решить эту проблему. То же самое можно сказать о регуляции экспорта леса. Китай слишком заинтересован в поставках дальневосточной древесины, чтобы поставить жесткие заслоны контрабанде на своих границах.

Возможно, начинать построение сетей российской стороны следует с менее чувствительных областей, например с контрабанды биоресурсов. Благодаря незаконной переправке через границу женьшеня, трепанга, древесных лягушек, частей и дериватов тигра и т.д. обогащается не страна в целом, а отдельные китайские граждане. В этом случае сильная централизованная власть, которая способна обеспечить соблюдение законности на своей территории может стать не противником, а помощником третьего сектора.

Третьим внутренним барьером для трансграничного сотрудничества является дискурсивное предубеждение россиян против китайцев. Это предубеждение имеет глубокие исторические корни. Дискурс «желтой опасности» был широко распространен на РДВ еще в конце XIX — начале XX в. (Дятлов, 2000), в 1950-е гг. возродился в связи с маоизмом. Александр Лукин (Lukin, 1998, 2000) пишет, что современный нам рецидив страха дальневосточного населения перед «желтой опасностью» возник на фоне экономического кризиса, ослабления российского государства, спада производ-

ства и увеличения китайского экономического присутствия на РДВ. Этот страх эксплуатируется местными политиками в ходе электоральных кампаний. Обострению страхов перед Китаем способствует и современная передача правительством России спорных территорий Китаю.

Большинство дальневосточных информантов из среды экологических НГО отрицали, что испытывают неприязнь к китайцам, подчеркивали, что их обвинения в сторону Китая не носят этнического характера, а обусловлены только «антиэкологическими» действиями китайских граждан. Однако на практике построение фреймов осуществляется на основе обвинения китайцев и страха перед ними. Российская окружающая среда выступает в роли «жертвы», в СМИ и массовом дискурсе Китай и китайцы выступают в роли «агрессора» и вечного виновника. Такое построение социального конструкта на основе страха и обвинения не способствует кооперации.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Скорее всего ни китайские, ни российские НГО не могут быть полноценными инициаторами построения трансграничных сетей на российско-китайской границе. Во-первых, по причине недостатка ресурсов. Во-вторых, по причине асимметричного отношения стран к трансграничным экологическим проблемам — Россия больше заинтересована в сохранении своей природной среды, а Китай — в природных ресурсах, источником которых для него является Россия. В-третьих, по причине больших культурных различий и построения неблагоприятных фреймов со стороны России. Успешной российско-китайская кооперация будет только в том случае, если основную координирующую роль возьмут на себя МЭНГО.

Мы, как исследователи, предлагаем несколько рекомендаций для преодоления локальных барьеров сотрудничества между НГО.

1. Российским НГО рекомендуется уделять больше внимания формированию положительного имиджа китайской стороны и преодолевать дискурсивные предрассудки российского населения по отношению к китайцам.

2. Китайские НГО, в свою очередь, могли бы способствовать формированию информационного пространства своей страны, вводить в него понятия трансграничных эко-

логических проблем и ответственности китайских граждан перед природой РДВ.

3. Активистам НГО обеих стран необходимо преодолеть языковой барьер и стремиться к пониманию организационной культуры друг друга.

Литература

Болотова А., Тысячнюк М., Воробьев Д. Анализ и классификация экологических неправительственных организаций Санкт-Петербурга // Экологическое движение в России / Под ред. Е. Здравомысловой, М. Тысячнюк. СПб.: ЦНСИ, 1999. Вып. 6.

Воробьев Д., Болотова А. Экологическое движение в защиту Карельских лесов. // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США. Под ред. М. Тысячнюк, А. Кулясовой, И. Кулясова, С. Пчелкиной. СПб: НИИХ СПбГУ, 2003.

Дудченко Г. Китай и Дальний Восток России: к вопросу о демографическом дисбалансе // Вестник Евразии. 2002. № 3 (18).

Дятлов В. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2001. № 1 (8).

Котлобай А. Нелегальный оборот древесины — реальная угроза существованию дальневосточных лесов. Исследование проблемы незаконных лесозаготовок на примере Приморского края. Аналитический документ WWF России. М. 2002.

Основные направления развития экологического образования и просвещения населения в области сохранения амурского тигра и среды его обитания в Хабаровском крае на период 2003—2005 гг. Хабаровск: ХГТУ, 2003.

Пчелкина С., Тысячнюк М. Особенности локализации глобальных стратегий третьего сектора в экологических «горячих точках» России на примере Дальневосточного экорегиона. 2004. (неопубликованная рукопись)

Старостина Е. WWF России и WWF Китая объединяют усилия для охраны дикой природы. 2004. 22 мая. <http://www.wwf.ru/resources/news/article/1320>

Шубин А. Экологическое движение в СССР и вышедших из него странах // Экологические организации на территории бывшего СССР: Справочник. М.: РАУ-Пресс, 1992.

Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.:Ин-т социологии РАН, 1996.

Cashore B., Auld G., Newson D. *Governing Through Markets: Forest Certification and the Emergence of Non-state Authority*. New Heaven: Yale Univ. Press, 2004.

Diani M. *Transnational Activism Between the Local and the Global*. / Eds. D. Porta, S. Tarrow. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1995.

Frolic M. *State-Led Civil Society // Civil Society in China* / Eds. T. Brook, M. Frolic. New York: M.E. Sharpe, 1997.

Perry E., Selden M. (eds). *Chinese society: change, conflict and resistance*. London: Routle, 2000.

Sun Y., Tysiachniouk M. *The Failure of Network Formation: Why NGOs in Russia and China Have not Formed Effective Ties to Confront Cross-border Problems?* 2004. (неопубликованная рукопись)

Tysiachniouk M., Reisman J. *Transnational Environmental Organizations and the Russian Forest Sector // Environmental Transformations in the Russian Forest Industry: Key Actors and Local Development* / Eds. J. Kortelainen, J. Kotilainen. Joensuu: University of Joensuu. Publications of Karelian Institute. 2002a.

Urry J. *Mobile Sociology // British Journal of Sociology*. 2000a. Vol. 51 (1). January/March.

Weller R. *Alternate civilities: democracy and culture in China and Taiwan*. Boulder, Colo.: Westview Press, 1999.

Young N., Woo A. *An Introduction to the Non-profit Sector in China*. London: Allavida, 2000.

Young N. *Green Groups Explore the Boundaries of Advocacy // China Development Brief*. 2001. Vol. 4 (1).

Zhu J. *Between the Family and the State: An Ethnography of the Civil Associations and Community Movement in a Shanghai Lilong neighborhood*. Ph.D. Thesis, Department of Anthropology, the Chinese University of Hong Kong. 2002.

Использованные интервью

1. Интервью с лидером МЭНГО1, 2002, Владивосток.
2. Интервью с координатором МЭНГО1, 2002, Владивосток.
3. Интервью с координатором МЭНГО1, 2004, Владивосток.
4. Интервью с координатором МЭНГО1, 2004, Владивосток.
5. Интервью с координатором МЭНГО1, 2004, Владивосток.
6. Интервью с координатором МЭНГО1, 2003, Владивосток.
7. Интервью с координатором МЭНГО2, 2004, Владивосток.
8. Интервью с координатором МЭНГО2 2004, Владивосток.

9. Интервью с лидером УНГО1, 2002, Владивосток.
10. Интервью с лидером УНГО1, 2003, Владивосток.
11. Интервью с лидером УНГО1, 2004, Владивосток.
12. Интервью с активистом УНГО1, 2003, Владивосток.
13. Интервью с активистом УНГО1, 2003, Владивосток.
14. Интервью с лидером УНГО2, 2003, Владивосток.
15. Интервью с лидером НГО, 2003, Владивосток.
16. Интервью с лидером МЭНГО3, 2004, Владивосток.
17. Интервью с координатором МЭНГО3, 2003, Владивосток.
18. Интервью с лидером СНГО3, 2004, Владивосток.
19. Интервью с координатором СНГО3 2003, Владивосток.
20. Интервью с лидером УНГО4, 2003, Хабаровск.
21. Интервью с лидером УНГО5, 2003, Хабаровск.
22. Интервью с журналистом регионального представительства центральной газеты, 2003, Владивосток.
23. Интервью с журналистом еженедельника, 2003, Хабаровск.
24. Интервью с журналистом ежедневной газеты, 2003, Хабаровск.
25. Интервью с начальником отдела биолого-почвенного института ДВО РАН, 2004, Приморский край.
26. Интервью с руководителем ДОП, 2004, Приморский край.
27. Интервью с профессором Тихоокеанского института географии, 2003, Владивосток.
28. Интервью с представителем Главного Управления природных ресурсов по приморскому краю, 2002, Владивосток.
29. Интервью с государственным инспектором Госохотнадзора, 2004, Приморский край.
30. Интервью с руководителем антибраконьерской бригады, 2002, Владивосток.
31. Интервью с журналистом регионального телевидения, 2003, Владивосток.
32. Интервью с лидером СНГО1, 2004, Харбин.
33. Интервью с активистом СНГО1, 2004, Харбин.
34. Интервью с активистом СНГО2, 2004, Харбин.
35. Интервью с активистом СНГО3, 2004, Харбин.
36. Интервью с лидером ГОНГО1, 2004, Харбин.
37. Интервью лидером ЛНГО, 2004, Благовещенск.
38. Интервью с представителем российского офиса МЭНГО1, 2004, Харбин.

Список аббревиатур

НГО — негосударственная организация.

МЭНГО — международная экологическая негосударственная организация.

УНГО — устойчивая негосударственная организация.

СНГО — Студенческая негосударственная организация.

ЛНГО — Локальная негосударственная организация.